

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО И ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО

Л.С. МАМУТ

Конституционные основы современной российской государственности

В 1990–1991 гг. россияне осознанно сделали бесповоротный выбор: построить в постсоветской России современное демократическое правовое государство. Его базовые институты были определены и законодательно закреплены в Конституции Российской Федерации, принятой всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.

Важно выделить и оценить сформулированные и легализованные в Основном законе принципы организации и функционирования демократического правового государства, в соответствии с которыми оно должно в настоящее время существовать, действовать. При этом необходимо учитывать ту общеисторическую и конкретно-историческую обстановку, в атмосфере которой разрабатывалась и принималась Конституция РФ. Она рождалась не в социокультурном вакууме, суть и дух тогдашних событий отразились в ней.

С середины прошлого столетия произошли крушения военно-авторитарных государств. Во Второй мировой войне были повержены фашистская Италия, милитаристская Япония, национал-социалистская Германия и ее сателлиты. Пали профашистское государство в Португалии, диктатура "черных полковников" в Греции, тоталитарные порядки в Испании, чудовищный строй "красных кхмеров". Конец 80-х гг. XX в. прошел под знаком развала государств Центральной и Восточной Европы, входивших в блок, которым руководил СССР. Потом распался и сам Советский Союз.

Разные комбинации внутренних и внешних обстоятельств обуславливали исход, гибель названных государств. Но было и нечто общее в таких судьбоносных обстоятельствах: дискредитация идей и ценностей, духовно скреплявших эти государства, придававших им прочность и устойчивость. Девальвировалась установка на благодетельность и полезность растворения личности в государственно организованном целом, на беспрекословное подчинение ему личности. К отмеченному нужно присовокупить утрату веры людей в мудрость и всемогущество вождей (партии ли, народа, нации), потерю авторитета представлений об эффективности огосударствления всей социальной жизни, о пользе партийно-государственного патронажа над ней. Смертный час антидемократических, военно-авторитарных государств приближали нараставшие в них сомнения в достоинстве идеологических доктрин (которые усиленно насаждались официальными инстанциями) как единственно правильных, абсолютно ис-

Мамут Леонид Соломонович – доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Института государства и права РАН.

тинных. Зрело ощущение несправедливости и вреда ксенофобии, культивировавшейся ненависти к другим людям, странам, государствам.

Идеология, которая освящала антидемократические, авторитарные и тоталитарные государства, с середины и во второй половине XX в. стала терпеть фиаско. Шаг за шагом победу одерживала система взглядов, ценностных ориентаций, умонастроений, эмоциональных установок и т.п., выражавших и защищавших иной тип организации публичной власти, иной способ государственного общежития. Верх брали принципы демократического и правового устройства государства.

Первое место среди них занимает требование всемерной свободы для субъектов социальной деятельности (в особенности для индивидов, конкретных людей). Чрезвычайно значимым становится постулат относительно обеспечения (притом без каких-либо изъятий) индивидуальности и достоинства личности, возможности ее активного участия в политическом процессе. В числе основных есть, разумеется, принцип реального равноправия всех граждан государства, равенства социальных шансов для них, одинаковой гарантированности их прав и обязанностей. Весьма насущной признается неприкосновенность собственности, защита государством собственности субъектов (в особенности частной собственности).

К этому перечню основных начал демократического и правового устройства современной государственности следует добавить императивы суверенности и светскости государства, институционального и функционального разграничения публично-властных полномочий между органами государства (разделение властей), зависимости правосудия исключительно от закона, существования политического плюрализма и реальной политической конкуренции, влиятельности в социуме негосударственных, самоуправленческих объединений (гражданское общество) и т.д.

Нельзя понять атмосферу, в которой разрабатывалась и принималась Конституция новой России, постичь дух времени, вырывая процесс ее подготовки из контекста (почти что во всемирно-историческом масштабе) победы либералистских, демократических, правовых, гуманистических идей во второй половине XX в. Однако не в меньшей степени необходимо обладать объективным, всесторонним знанием того, в каких острых внутрироссийских политических противоборствах начала 90-х годов прошлого столетия появлялась на свет Конституция РФ.

Ключевые моменты конституционного процесса в России 1990–1993 гг. неплохо изучены [Варламова, 1998; Шаблинский, 1997; Шейнис, 2005]¹. В этих исследованиях особое внимание привлекает характеристика тех событий, которые непосредственно предварили заключительную стадию подготовки Основного закона, их истоки, нюансы. Ход и финал данных событий получили самое разнообразное истолкование. Речь идет о бурных событиях в Москве 3–4 октября 1993 г. Они в немалой мере повлияли на положения Конституции, закрепившие устои организации российского государства.

Придерживаясь мнения, что 3–4 октября 1993 г. силы, ожесточенно сопротивлявшиеся продвижению демократически-правовых преобразований в России, подняли *вооруженный мятеж*. Его вдохновители хотели повернуть развитие страны вспять². Заведомо реакционная цель! Слова, прикрывавшие эту цель и будто бы похожие на праведные, ее истинный смысл не меняли. Уже начавшиеся беспорядки и вооруженные

¹ В 2007–2008 гг. выпускается семитомник "Из истории создания Конституции Российской Федерации", содержащий стенограммы, материалы, документы, связанные с работой Конституционной комиссии в 1990–1993 гг.

² Присоединяюсь к тем, кто описывают участников мятежа, "бесчинствующих сторонников Руцкого и Макашова", орудовавших в конце сентября – начале октября 1993 г. в столице, как "реставраторские – красно-коричневые элементы", которые группировались "под коммунистическими кумачовыми и черно-желто-белыми монархическими знаменами" в "вооруженные отряды экстремистов" с целью «насильственного свержения "антинародного режима"» [Карацуба, Курукин, Соколов, 2005, с. 616–617].

столкновения мирными средствами прекратить было нельзя. В те судьбоносные дни в Москве была применена соответствующая военная мощь. Восстанавливался *порядок*.

Не переводятся охотники верить в тот миф, придуманный квазизащитниками конституционности, что штурм Белого дома, ставшего оплотом мятежа, был "расстрелом *парламента*". Мифотворцы и люди, верящие в мифы, упорно не желают признать неоспоримую вещь: в результате "расстрела *парламента*" ни один парламентарий, заседавший вместе с вооруженными мятежниками в Белом доме, не пострадал. Однако в процессе окончательной доработки проекта Конституции РФ (октябрь, ноябрь 1993 г.) были сделаны соответствующие выводы, в частности уточнен объем (некоторое его увеличение) полномочий главы государства. Но в целом, как будет показано ниже, общий демократический посыл Основного закона был сохранен.

Теперь об основополагающих началах демократической организации современного цивилизованного государства, которые всенародным волеизъявлением закреплены в Основном законе Российской Федерации. В его первой статье декларируется, что "Российская Федерация – Россия есть демократическое федеративное правовое государство". Смысл этой учредительной нормы обогащается и развивается во многих других статьях Конституции. Прежде всего, конечно, в ст. 3, которая гласит: "1. Носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ. 2. Народ осуществляет свою власть непосредственно, а также через органы государственной власти и органы местного самоуправления". Отдельные исследователи настороженно относятся к включению в Конституцию понятия "многонациональный". Их озабоченность должным образом аргументируется³. Анализируя текст Основного закона, приводимую ими аргументацию безусловно следует иметь в виду.

Вызывает вопрос и положение о том, что в Российской Федерации народовластие ("Народ осуществляет свою власть") реализуется "через органы государственной власти". Если вдуматься, выходит, будто фактически наличествуют две власти: одна – власть самого народа, другая – "*государственная власть*". Не точнее было бы постулировать так: свою власть народ отправляет как непосредственно, так и опосредствованно, через *органы* государства (а не "через органы государственной власти")? Вряд ли кто-то сможет опровергнуть ту идею, что только и исключительно народ (общество) в целом есть продуцент, носитель и реализатор публичной власти.

Затруднительно охарактеризовать все слагаемые демократической государственности (институциональные и ценностные), предусмотренные Конституцией РФ. Но наиболее значимые из них требуют особого внимания.

Статья 10 Основного закона утверждает принцип разграничения публично-властных полномочий: "Государственная власть в Российской Федерации осуществляется на основе разделения на законодательную, исполнительную и судебную. Органы законодательной, исполнительной и судебной власти самостоятельны". Совсем не лишним было бы здесь указание на необходимость взаимодействия, которое должно быть между различными "ветвями" государственной власти. В системе разграничения публично-властных полномочий свое подобающее место имеет и институт президентства, каким он представлен в ст. 80, 83–90 Конституции РФ.

Демократическая организация современного цивилизованного государства немыслима без наличия в нем идеологического и политического многообразия, без многопартийности; кроме того, она предполагает равенство всех общественных объедине-

³ Эти отдельные исследователи не только против употребления понятия "многонациональный" в публично-властном, государственно-политическом контексте. Их кредо таково: «Разумнее всего было бы вообще не пользоваться понятием "нация" и его производными в политических дискурсах». Но почему здесь разумно воздерживаться от оперирования "нацией"? Вот объяснение: «Понятие "нация" слишком репрессивно, то есть навязывает обществу и индивиду определенные практики, эффективность которых для общественного блага сомнительна или даже негативна» [Кустарев, 2007, с. 66, 71–72].

ний перед законом. Именно этим политико-правовым ценностям демократии Конституция РФ (см. ст. 13) придает высшую юридическую силу.

В государстве демократия существует и способна действовать тогда, когда его граждане имеют возможность самоорганизовываться, чтобы заявлять о своих интересах и отстаивать их. Основной закон гарантирует это: "1. Каждый имеет право на объединение, включая право создавать профессиональные союзы для защиты своих интересов. Свобода деятельности общественных объединений гарантируется. 2. Никто не может быть принужден к вступлению в какое-либо объединение или пребыванию в нем" (ст. 30); "Граждане Российской Федерации имеют право собираться мирно, без оружия, проводить собрания, митинги и демонстрации, шествия и пикетирование" (ст. 31).

Не менее важна для политической деятельности обеспечиваемая гражданам юридическая возможность участвовать (соучаствовать) в управлении своим государством и обществом. Она также признается и закрепляется Конституцией РФ: "1. Граждане Российской Федерации имеют право участвовать в управлении делами государства как непосредственно, так и через своих представителей. 2. Граждане Российской Федерации имеют право избирать и быть избранными в органы государственной власти и органы местного самоуправления, а также участвовать в референдуме... 4. Граждане Российской Федерации имеют равный доступ к государственной службе. 5. Граждане Российской Федерации имеют право участвовать в отправлении правосудия" (ст. 32).

Непредвзятый человек убеждается в том, что в Основном законе России четко прописаны и зафиксированы базовые принципы демократической организации современного цивилизованного государства. Однако демократия в государстве отнюдь не сводится к набору определенных учреждений, процедур, норм. Ее имманентная, органическая часть – совокупность известных политических и правовых ценностей, обретающих жизнь благодаря работе этих "инструментов" (то есть учреждений, процедур, норм). Среди таких ценностей первостепенную значимость имеют права и свободы человека, корреспондирующие им его обязанности и ответственность.

Было высказано мнение, что Конституция РФ 1993 г. "опирается на *естественно-правовой (антилегистский, антиэтатистский) тип правопонимания*" [Нерсисянц, 2005, с. 683]. Солидарен с тем, что легизм, этатизм чужды идейной платформе российского Основного закона. Нет возражений против того, что некоторые словосочетания, встречающиеся в ряде его положений, похоже, заимствованы из лексикона доктрины естественного права. Однако он, регламентируя существенные стороны постсоветского строя, опирается при этом не на юснатуралистский тип правопонимания.

Вероятнее всего, перед взором тех, кому кажется, что интеллектуальной опорой Основного закона России служит доктрина естественного права, стоят слова, которыми начинается ст. 2 Конституции РФ: "Человек, его права и свободы являются высшей ценностью". Суждение, уместное, скорее, в устах идеологов классического либерализма XVII–XVIII вв., нежели в конституционном тексте, составленном в конце XX в. Интересно, что такого суждения нет ни во Всеобщей Декларации прав человека (10 декабря 1948 г.), ни в международных пактах об экономических, социальных и культурных правах, о гражданских политических правах (19 декабря 1966 г.). Не найти его и в Хартии Европейского союза об основных правах, провозглашенной 7 декабря 2000 г. Не замечено оно и в действующих конституциях современных государств.

Недоверие к процитированному суждению вызывается, однако, не столько этим обстоятельством, сколько скепсисом по поводу его истинности. В самом деле, относительно кого (чего) "человек, его права и свободы являются высшей ценностью"? Разве эти индивидуальные права и свободы *выше* обязанностей и ответственности индивида ("нет прав без обязанностей, нет обязанностей без прав")? Разве права и свободы человека *выше*, например, безопасности и суверенности государства (то есть публично-властным образом организованной общности людей, "коллективного гражданства")? Вообще ранжирование разных социокультурных ценностей, пусть и вдохновляемое самыми благородными порывами, трудно заподозрить в научной состоятельности. Максимальная осмотрительность в ранжировании социокультурных ценностей на

высшие и низшие (второсортные, малозначимые) ни в коей мере не снимает с органов государства долг признавать, соблюдать и защищать права и свободы человека и гражданина (см. ч. 1 ст. 45 Конституции РФ), равно как и долг обеспечивать *порядок*, при котором личность выполняет свои обязанности и несет ответственность за совершаемые действия, поступки.

Практически общепризнанно, что система прав и свобод человека и гражданина, законодательно закреплённая в Конституции РФ, добротна. Как в целом, так и в деталях она по своим кондициям стоит вровень с современными международными конституционными стандартами. Постатейный анализ этой системы придется ограничить двумя группами содержащихся в Конституции РФ статей. Одна связана с проблематикой правового *социального* государства, вторая – с конституционным регулированием *экономического* строя и экономических процессов в постсоветской России.

Но прежде чем заняться ими, надо указать на то, что титул главы второй Основного закона, включающей данные статьи, звучит так: "Права и свободы человека и гражданина". "Обязанности" и "ответственность" напрямую не сопрягаются с правами и свободами. Истины ради отмечу: в ст. 15 (ч. 2), 57–59 говорится о конституционных обязанностях личности. И все же общий тон задан самим титулом главы второй.

Если в Конституции РФ нет нормативной модели правового государства, если там нет специальной отдельной главы или даже статьи, посвященной ему, то о социальном государстве прямо говорит ст. 7 Основного закона. Российская Федерация определяется в ней как "социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека".

Понятие "социальное государство" ново для российского законодательства, для нашего политико-юридического быта. Оно впервые было употреблено именно в Конституции РФ (1993 г.) и подчеркивает обязанность государства осуществлять определенную социальную деятельность и нести ответственность за создание условий (организационных, правовых, материальных, нравственных и т.д.), которые благоприятствовали бы тому, чтобы люди, проявляя инициативу и усердие (во всяком случае, в большинстве своем), могли достойно жить и свободно развиваться.

Такое обязательство, принимаемое на себя государством, – не что иное, как *само*-обязывание народа (общества), организованного в государство. Он предписывает государственным органам формировать и совершенствовать условия, делающие реально возможными достойную жизнь и свободное развитие человека. Предполагается, что подобным образом самообязывающийся государственно организованный народ и учреждаемые им (подконтрольные ему) институты публичной власти трезво оценивают имеющиеся в распоряжении государства экономические и другие ресурсы и строго соизмеряют с ними объемы и сроки выполнения берущихся социальных обязательств. В противном случае последние становятся фактически неосуществимыми.

В ч. 1 ст. 7 Конституции РФ не показано более или менее конкретно, какое содержание заключают в себе решающие понятия "достойная жизнь", "свободное развитие человека". Между тем полисемантичны они чрезвычайно. Можно, разумеется, сказать, что ч. 2 ст. 7, а также контекст двух первых глав Конституции РФ отчасти это содержание проявляют, высвечивают. Но только отчасти, в малой степени. Чем расплывчатей, аморфней выражено содержание статьи закона, тем сложнее адекватное (точно воплощающее замысел законодателя) действие настоящей статьи.

Для уяснения природы социального государства нужно иметь в виду еще и следующее. Его обязанность оказывать определенные социальные услуги населению ни на йоту не означает замену государственным попечительством (то есть попечительством корпуса налогоплательщиков) экономической свободы и активности, предприимчивости членов общества. В Конституцию РФ заложена не идея опеки государства над гражданами и не идея социального иждивенчества. В ней – требование к органам государства создавать удобные организационные и гарантируемые законом условия, при которых граждане *собственными* усилиями достигали бы материального достатка, жизненного комфорта для себя и своей семьи.

Целесообразно стимулировать такие усилия граждан, например, законодательно устанавливаемой для работоспособных (повторяю – *работоспособных*) лиц обязанностью трудиться. Природе права эта обязанность не противоречит. Веру в государство как во всеобщего попечителя она поубавит. Следует исходить из того, что первичная и главная забота обеспечивать себе достойное существование собственными средствами (а не государственным иждивением) лежит на трудоспособных людях. Социальное вспомоществование, осуществляемое государством по отношению к ним, вторично и дополнительно. Дабы избежать всяческих кривотолков, надо ясно заявить: вопрос об оказании государством социальной помощи (поддержки) детям, инвалидам, пенсионерам, жертвам природных и техногенных катастроф и т.п. вне обсуждения. Такая деятельность государства абсолютно обязательна.

Статьей 7 не ограничиваются рамки утвержденного в Конституции РФ принципа социального государства. Он "прорастает" в ряде иных статей Основного закона современного российского государства (см., например, ст. 40–41, 43). Именно там в конституционном тексте поднимается тема "бесплатности" в связи с социальной деятельностью государства, хорошо знакомая по годам советской власти.

В прошлые времена миф о бесплатности социальных услуг, оказываемых государством, эксплуатировался в идеологически-пропагандистских целях для превознесения большевистского строя. Поскольку проблема бесплатности возведена в ранг конституционно легализованной (она и донныне весьма интересует и волнует людей), надо со всей категоричностью утверждать: ничего бесплатного, дарового в социуме нет и быть не может⁴. Вопрос лишь в том, кто, кому, за что и сколько платит. Бесплатность некоторых социальных предоставлений оплачивается в конечном итоге по преимуществу самим налогоплательщиком. Обсуждая и принимая меры, выходящие на бесплатность, нельзя забывать о том, как чувствителен к ней карман налогоплательщиков, какие глубинные интересы человека и общества она затрагивает.

Не бывает недемократического правового государства. Абсурдно предполагать такое. Современной развитой демократии нет без рыночной экономики. Сферы экономики в той или иной степени и форме касаются писанные конституции всех государств (старые и новые). Основным закон постсоветской России в этом плане исключения не представляет. Все главы и статьи его первого раздела (кроме главы девятой, ст. 134–137), образуя нераздельное единство, имеют отношение к экономической системе российского общества, ибо во многом ею определяется логика развития страны в целом.

Экономическая система, удовлетворяющая материальные и связанные с ними потребности современности, – цивилизованная, рационально взаимодействующая с государством рыночная экономика. Базовые принципы ее организации и функционирования с приемлемой полнотой признаны и четко зафиксированы в Конституции РФ. Правда, ни самого понятия "рыночная экономика", ни отдельной специальной главы об экономической системе в Основном законе тоже нет. Зато "Впервые в российской истории в Основном законе страны органически переплетаются либерализм политический и либерализм экономический. Несомненна их взаимная связь... российская Конституция, безусловно, представляет собой документ современной эпохи – эпохи перехода к постиндустриальной системе ценностей" [Баренбойм... 2006, с. 36–37]. Либерализм политический и либерализм экономический из "одной оперы". Не из разных "опер" также современная демократия и современная рыночная экономика.

Последней не существует в том государстве, в котором нет частной собственности (то есть там, где она отсутствует, ликвидирована, запрещена). Ее как таковой не было в советско-коммунистическом государстве. Его архитекторы и строители безоглядно

⁴ «У государства нет собственных средств, а следовательно, нет и не может существовать никаких "бесплатных" общественных фондов и "бесплатных" социальных услуг. Всякая социальная услуга... всякая пенсия, всякое пособие и субсидия оплачиваются за счет налогов, отчислений от прибыли и вычетов из заработной платы» [Социальное... 2001, с. 123].

уверовали в то, что "коммунисты вполне правильно выдвигают главным своим требованием уничтожение частной собственности" [Маркс, Энгельс, т. 4, с. 329]. Конституция РФ (1993 г.) на этой слепой вере поставила крест.

В ст. 8 (ч. 2), 9 (ч. 2), 35–36 Основного закона России прямым текстом воспроизводится ранее предававшееся анафеме словосочетание "частная собственность". Отныне частная собственность, возрождаясь как социальный институт, признается установленным конституционным и охраняемым государством наравне со всеми другими формами собственности (государственной, муниципальной и т.д.). Плюрализм политический и идеологический дополняется экономическим (плюрализм форм собственности). Тем самым проводится фундаментальный водораздел между советско-коммунистическим и постсоветским периодами истории России. Частная собственность постепенно, трудно пробивала себе дорогу к тому, чтобы быть официально легализованной.

Частная собственность стала тем стержнем, вокруг которого – по Конституции РФ – сгруппировались многие компоненты рыночной экономики. Каковы они? Единство экономического пространства, свободное перемещение товаров, услуг и финансовых средств, поддержка конкуренции, свобода экономической деятельности (см. ч. 1 ст. 8). Свобода передвижения, выбора и места пребывания (см. ч. 1 ст. 27), без которой невозможно осуществление "предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности" (ч. 1 ст. 34), а значит, невозможна и реализация права частной собственности. Свобода выбора рода деятельности, свобода труда (см. ст. 37); запрет экономической деятельности, направленной "на монополизацию и недобросовестную конкуренцию" (ч. 2 ст. 34). Названные компоненты цивилизованной рыночной экономики, легализованные в Основном законе России, дают возможность декларируемым в нем гражданским, политическим, социальным и культурным правам человека быть воплощенными в действительность.

Но не для одного лишь этого важно профессионально грамотное, научно обоснованное конституирование системы рыночной экономики. Оно очень значимо для оптимальной организации и нормальной работы институтов публичной власти. Соотношение частей государственной машины, их полномочия, ответственность и пр. непосредственно связаны с препятствованием популизму и непотизму (служебному покровительству, кумовству, "блату"); они сугубо опасны для экономики, разрушительны для государства. Равным образом крайне негативную социальную (вредную для всего общества) роль играет произвольное, волюнтаристское вмешательство аппарата государства в рыночно-экономические процессы. Обычно такое административно-субъективистское воздействие оправдывается (точнее – прикрывается) словами о том, что госаппарат заботится об общем благе, добивается сбалансированности, борется с кризисными явлениями и т.п.

Всякий видит, что между означенными конституционными положениями и нынешней российской повседневностью есть немалый зазор. Но не всякий понимает причины его возникновения и существования.

С общественно-исторической точки зрения это объясняется тем, что закрепленные в Конституции РФ ценности по своему смыслу и содержанию релевантны другой реальности – развитой демократически-правовой государственности, цивилизованной рыночной экономике, сложившемуся и упрочившемуся гражданскому обществу, высокому уровню политико-юридической культуры людей и т.п. На начальном этапе постсоветского периода (именно в нем мы пока находимся) все это в России – надо честно признаться – отсутствует. Однако в момент рождения и первых лет существования этой Конституции по-другому и быть не могло.

Сказанное отнюдь не означает, что в России не было и нет определенных условий для принятия действующей Конституции. В этой связи напрашивается вполне уместная (с существенными оговорками) историческая параллель. Во второй половине XVIII в. в северо-американских колониях сохранялась система политического аристократизма, существовала допотопная экономика с решающим значением в ней самых зверских и примитивных форм эксплуатации рабского труда, в отношении коренных

американцев проводилась политика геноцида, у большинства населения колоний не было сколько-нибудь значительного демократического опыта участия в политической жизни. И тем не менее 4 июля 1776 г. была принята "Декларация независимости США", явившаяся первым основополагающим либерально-демократическим конституционным документом США⁵ и не утратившая силы до сих пор.

Несоответствие нынешней российской реальности целому ряду положений, закрепленных в Конституции РФ, очевидно. А. Медушевский справедливо замечает: "Важной особенностью принятия конституций в условиях конституционных революций является, как правило, опережающий характер конституционных норм по отношению к реальности... Включение в конституцию демократических принципов гражданского общества и правового государства, федерализма, разделения властей и прав личности в модернизирующихся обществах еще не ведет, как известно, к их реализации, и более того, сталкивается с серьезными проблемами, главная из которых – неэффективность многих новых норм"[Медушевский, 2005, с. 301–302].

У проблемы действенности новых конституционных норм есть еще один аспект: социально-философский, выражаемый представлениями об онтологической природе и модусах бытия всякой конституции. Подобно любому другому, родственному ей по жанру акту, Конституция РФ, заключающая в себе нормативную модель развитой демократически-правовой государственности, есть особого рода идеал (должное). В таком качестве эта нормативная модель – проекция системы осознанных и официально зафиксированных политико-юридических (но не только их одних) потребностей, интересов и целей общества. Как и каждая проекция (а не ретроспекция), она неизбежно, закономерно выходит за пределы настоящего (то есть сущего) и локализуется в будущем. Именно будущее – место постоянного ее расположения. Судьба идеала – всегда находиться в пространстве будущего.

Знание того, что нормативная модель (идеал) лежит за чертой настоящего и не может во всей исчерпывающей полноте "перетечь" в настоящее, без остатка воплотиться в нем, основательно обязывает. Во-первых, оно требует избегать поверхностного взгляда на идеал как на конечный пункт, финиш исторического движения, как на однажды раз и навсегда абсолютно достигаемую реальность. Во-вторых, такое знание требует отказаться от теоретически наивного (и практически сугубо деструктивного) разоблачения и бичевания реальности за то, что она не есть безупречное эмпирическое существование желаемой нормативной модели (идеала, должного).

Из сказанного не вытекает, будто отраженная в Конституции РФ нормативная модель демократически-правовой государственности вообще никак не соприкасается с происходящими в современной России событиями, с организацией и функционированием в стране институтов публичной власти, политики, права, гражданского общества. Напротив, со всем этим она контактирует очень тесно. Данная модель способна влиять и фактически влияет на происходящие в России перемены. Конституция РФ выполняет, в частности, следующие роли: служит *ориентиром*, указывающим общее направление процесса формирования и совершенствования демократически-правового государства и гражданского общества; является критерием отбора средств и методов, необходимых и пригодных для успешного осуществления данного процесса; выступает *правовой опорой* критики и акций по устранению дефектов в структуре и деятельности институтов государства и гражданского общества; "работает" в качестве *стимулятора* законосообразного поведения и подъема политико-правовой культуры граждан, общества в целом; представляет собой *индикатор* меры соответствия реального (на текущий момент) состояния государственности и гражданского общества нормативной модели, отраженной в Основном законе.

⁵ Обстоятельный анализ основных идей, получивших отражение в Декларации независимости США, дан в [Согрин, 1980].

Ни в какой аргументации не нуждается тот бесспорный тезис, что конституционные положения, претендующие на эффективное действие и ощутимую нормативную силу, должны так или иначе учитывать реальные обстоятельства и соответствовать им. Но все равно нормативную модель и реальность разделяет определенная дистанция, и нередко они вступают в противоречия. Последние снимаются в процессе реализации норм Конституции, в ходе развития конституционализма.

Реализация положений Конституции РФ – дело постоянное. Последняя точка в нем никогда не ставится. Если в этом систематическом, неспешном и поэтапно совершающемся деле получаются положительные результаты, то это означает, что, с одной стороны, происходит своеобразное "перетекание" идеала (должного состояния) государственности в эмпирическую действительность, а с другой – происходит сближение характеристик фактически имеющихся институтов публичной власти, гражданского общества с параметрами нормативной модели демократически-правовой государственности. Темп такого сближения зависит от взаимодействия комплекса объективных и субъективных обстоятельств.

Фиксирование в Основном законе России экономических, социокультурных, политических, юридических ценностей развитого демократически-правового государства, современного гражданского общества порождает сложный, подчас с негативными последствиями психологический феномен. Это фиксирование инспирирует у нынешнего поколения (во всяком случае, у немалой его части) завышенные, а потому неосуществимые полностью "здесь и сейчас" ожидания. Довольно многим членам общества мнится, будто сам текст Конституции способен источать из себя поток материальных и социальных благ для каждого.

Подобные ожидания (в особенности выходящие на социальные обязательства государства) иллюзорны. Они не могут оправдываться на практике, им не суждено сбываться. У человека, который этими иллюзиями живет, спонтанно возникает недоверие к Конституции, появляется разочарование в ней. Усугубляет его "открытие" того, что Конституция как таковая – вовсе не "скатерть-самобранка", благотворительствующая без разбора всех и сразу.

Недоверие, разочарование купируют потребность обращения значительных масс населения к Конституции. Такие чувства мешают правильному, нормальному ее восприятию, непредвзятой оценке ее достоинств и значения. Тем самым они препятствуют активному применению духа и буквы Основного закона в повседневной жизни.

От реалистичности и корректности формул Основного закона зависит общественно-политическая жизнь государства. На действенность данных формул, на производимый ими социальный эффект несомненно влияет также борьба разных политических группировок ради отстаивания своих партикулярных интересов.

Оппонирующие друг другу политические движения, партии, лидеры появляются на авансцене и исчезают. Череда подобных ситуаций не влечет с неизбежностью коренной ревизии Конституции или ее отмены. Всего лишь две краткие иллюстрации. В США очень несхожие общественно-политические силы с переменным успехом упорно борются друг с другом с конца XVIII в. до наших дней. Их схваткам не видно конца. Конституция же США в фундаменте своем остается непоколебимой. Высоким остается и "кпд" Конституции Французской Республики (1958 г.), явившейся, как некогда у нас о ней писали, итогом "изменения соотношения классовых сил в пользу реакции" и "скроенная под де Голля". Десятилетиями служит она как правому, так и левому флангам политического спектра Франции; она неплохо служит всему государственно организованному французскому народу.

Есть, стало быть, некие иные, более весомые величины, нежели конъюнктурно складывающееся "соотношение классовых сил", либо достаточно случайный расклад партийно-политической колоды. Как раз эти величины в решающей степени детерминируют жизнеспособность и социальный потенциал Конституции. В их ряду – степень зрелости политико-юридической культуры народа, "играющего" Конституцию (намеренно сравниваю ее с королем, которого "играет" свита).

Имея в виду исконно национальный характер российского народа, достигнутую им степень зрелости политико-правовой культуры, В. Зорькин говорит: "Речь идет именно о неразвитости гражданского общества. Нет у нас такого индивидуализма, который на Западе стимулировал свободу, независимость гражданских корпораций, гражданского общества... Демократическое правосознание, которое требуется для правового государства, находится сейчас на крайне низком уровне. Это питательная почва для произвола, коррупции, несовместимых с правовым государством явлений... необходима огромная правовая реформа в целом, которая прежде всего должна базироваться на изменении массового правосознания, профессионального сознания юристов. Я думаю, что это главная задача для России" [Зорькин, 2007, с. 79].

Необходимо также яснее представлять себе носителя массового правосознания, субъекта политико-юридической культуры, то есть народ. Традиционно под ним разумеют (и не только в обыденном употреблении, в публицистике, но часто и в научной литературе) совокупность "простых" граждан, "тружеников", "подвластных" и т.п. По логике такого разумения в народ не попадает "начальство" (власть). Из него вроде бы исключаются главы государств и министры, депутаты, судьи, прокуроры, губернаторы и мэры, послы и генералы, всякого рода директора, управляющие, заведующие и др. Кто же эти люди, имя коим легион? Получается, "не народ". Нелепица, которую нарочно не придумаешь. Бесспорно, они тоже и тот же народ. Точнее, они – та его часть, которая выполняет доставшиеся ей роли властвующих в иерархической структуре государственно организованного общества (=народа). Политико-юридическая культура этих людей в среднем немногим отличается от соответствующей культуры их сограждан, образующих вместе с ними одно общество, один народ⁶.

Глубинная причина отсутствия в стране нормальной (если пунктуально руководствоваться сегодняшними западноевропейскими стандартами) общественно-политической жизни – неудовлетворительное состояние политико-правовой культуры народа *в целом*. Не комбинации политиков, не интриги олигархов, не чьи-то происки из-за кордона решают судьбы Отечества. И не от них, соответственно, зависит в конечном итоге действие Конституции как регулятора общественно-политической жизни государства и фактора социальных изменений.

Учреждая демократически-правовое государство, принимая равнодостоиную ему Конституцию, занимаясь затем наладкой и укреплением институтов данного государства, системы его законодательства, надо твердо знать: лишь одного этого для укоренения в практической жизни провозглашенных Конституцией ценностей явно недостаточно. Ведь институты сами по себе никем не руководят и никого не организуют. Законы тоже сами по себе не господствуют, не правят, не исполняются автоматически ("господство права", "правление закона" – всего-навсего политический троп). Учрежденные институты, изданные законы функционируют в той мере и постольку, поскольку и каким образом их используют люди (от главы государства до рядового гражданина) в своей жизнедеятельности. Конституция находится в прямой связи с социальными качествами народа, граждан, в первую очередь, с их политико-правовой культурой. Какова эта жизнедеятельность, таково реальное состояние государственности и степень зрелости конституционализма в нем. По-иному просто не бывает. Ключевой момент – всемерное культивирование гражданственности, которая выражается в поведении индивида как полноправного члена государства (политического сообщества всех россиян), в активном пользовании им правами и свободами, в добросовестном выполнении обязанностей перед государством, то есть перед "коллективным российским гражданином".

Что касается политико-правовой культуры "коллективного российского гражданина", каждого россиянина, то ее следует шаг за шагом поднимать до высоты принципов Конституции, не приспособлявая суетливо содержание Основного закона к потребно-

⁶ В частности, схожесть суждений, фиксируемых как при массовых опросах, так и при опросах элиты, отмечена в [Гудков, Дубин, Левада, 2007].

стям сегодняшнего дня. Кстати, замечу: попытки синхронизировать положения Конституции с непрерывно меняющейся реальностью неминуемо оборачиваются разрушением самой природы юридико-нормативного регулирования. Его нельзя сводить только к правовому просвещению, распространению юридической информации либо к выработке привычки законопослушания⁷. Высшие цели правового, конституционного воспитания достигаются включением индивида в такие виды деятельности, посредством которых осуществляется его становление и самоутверждение как личности и гражданина, радеющего об общем благе "коллективного гражданина" (государственно организованного народа) столь же заинтересованно, как о своем собственном. Тот, кто подлинно желает видеть Конституцию РФ реальным фактором прогресса, рычагом позитивных социальных перемен, непременно приобщится к делу конституционного воспитания народа. Оно – не панацея, но без него у Конституции нет шансов на прорыв границы нормативной модели (идеала) и на претворение в сущем.

Пятнадцатилетие Конституции РФ доказало: на современном этапе она необходима. Она содействует формированию и развитию в России демократически-правового государства, интеграции и стабилизации общества. Ошибочно связывать с природой и содержанием этой Конституции противоречия, конфликты, злоупотребления и прочие негативные явления, сопутствующие тому переходному периоду, который переживает Россия. У них другие источники, их обуславливают совсем иные обстоятельства.

Время действия Конституции РФ выявило также потребность в уточнении и конкретизации ряда ее принципов. Таких, в частности, как: баланс компетенций институтов государственной власти (на федеральном и региональном уровнях); федеративное устройство на базе государственной целостности страны; юридико-процессуальная форма взаимодействия органов государственной власти между собой, а также взаимодействия последних с органами местного самоуправления. Самая актуальная задача сегодня заключается в последовательной *защите* Основного закона политическими, юридико-организационными, теоретическими и воспитательно-просветительскими методами закрепленных в нем устоев демократически-правовой государственности, рыночной экономики, гражданского общества от любых попыток их демонтажа.

Со времени принятия в 1993 г. Конституции РФ не перестают дискутироваться вопросы о национальной идее, о целях, которые должны стоять перед страной, какое конкретно общество надо стремиться построить, и т.д. Привычно полагают, будто правильный выбор целей есть залог достижения обществом (страной) желаемого социально-исторического состояния. Выбор правильных и реализуемых (а не мечтательно-утопических) целей абсолютно необходим. Но конечный результат, который получается в итоге движения к намеченным целям, обуславливается не только (и, пожалуй, даже не столько) ими, сколько средствами и методами, использованными в процессе данного движения. Комплекс наиболее действенных организационных, политических, юридических средств и методов, могущих обеспечить развитие России в процветающее демократически-правовое государство, которое займет свое достойное место в мировом политическом сообществе, заключен именно в Конституции РФ.

Мизерный (по историческим меркам) отрезок времени, который достался России для строительства демократического правового государства, явственно делится на два периода: 90-е гг. XX в. и первое десятилетие XXI в. Они существенно отличаются друг от друга, но каждый из них важен в процессе формирования новой российской государственности. В 1990-е гг. совершался коренной перелом в судьбе страны. Российский социум, естественно, испытал на себе всю тяжесть, все перипетии такого крутого

⁷ Правовым воспитанием, как полагает А. Чубарьян, следует заниматься со школьной скамьи: "...во всех классах должны быть факультативные курсы по праву. Надо со школы прививать уважение к праву, закону..." [Конституция... 2004, с. 61]. Правовое воспитание следует начинать и вести непрерывно в семье; забота о нем – дело не одних только образовательных учреждений, а буквально всех государственных и негосударственных организаций.

поворота событий. Тогда ставились и решались конкретные государственно-правовые задачи. К началу XXI в. пик такого перелома (наиболее болезненный, острый, сложный) был пройден. На передний план выдвинулись иные политические и юридические проблемы. Они оказались в центре внимания, и предшествовавшее им становилось вроде бы само собой разумеющимся. Надо очень аккуратно сравнивать оба периода и ни в коем случае не противопоставлять друг другу данные звенья одной цепи.

Совсем уязвима в теоретическом и гражданско-нравственном отношении модная теперь в некоторых кругах хула, возводимая на российскую политическую жизнь, сложившуюся в 90-е годы прошлого столетия. Ее обзывают "смутой", "провалом", "черной дырой" и прочими бранными словами. Незамысловата мотивация критиков. Она лежит на поверхности и насквозь идеологична. Лагерю критиков нужно отодвинуть от себя как можно дальше своих предшественников, продемонстрировать непричастность к действиям, которые означали вступление России на путь строительства демократически-правового государства, создания социально ориентированной рыночной экономики, формирования современного гражданского общества. Это нужно для того, чтобы внушить доверчивым гражданам: до нас все было ужасно, мерзко, отвратительно; лишь с нами Россия "поднялась с колен", стала самоутверждаться, в ней начал наводиться порядок, россияне зажили гораздо лучше, и т.д.

В агитационно-пропагандистских идеологемах такого типа нет ничего оригинального. Обычно каждая новая шеренга политической элиты, оказавшись у кормила публичной власти, старается изобразить существовавшее в государстве состояние дел до момента обретения ею статуса группы высших руководителей не самыми светлыми красками. Этой группе людей кажется, что чем темнее выбранные ею краски, тем величественнее и значимее являются ее деяния и она сама. Иллюзиями, миражами и прочими искривлениями сознания не отменяются объективные законы истории. Последующие этапы исторического развития всегда так или иначе надстраиваются над предшествующими и детерминируются ими. Поэтому все плюсы и минусы первого десятилетия XXI в. (в том числе в мире российского государства, законодательства, права) есть в действительности закономерное продолжение – только в более благоприятной, комфортной внутренней и внешней обстановке – плюсов и минусов суровой реальности постсоветской России 90-х гг. XX в. Историю никому и никогда не удастся ни перехитрить, ни переиграть.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Баренбойм П.Д., Гаджиев Г.А., Лафитский В.И., Мау В.А.* Конституционная экономика. М., 2006.
- Варламова Н.В.* Конституционный процесс в России. М., 1998.
- Гудков Л.Д., Дубин Б.В., Левада Ю.А.* Проблема "Элиты" в современной России. Размышления над результатами социологического исследования. М., 2007.
- Зорькин В.Д.* Россия и Конституция в XXI веке. Взгляд с Ильинки. М., 2007.
- Карацуба И.В., Курукин И.В., Соколов Н.П.* Выбирая свою историю. "Развилки" на пути России: от рюриковичей до олигархов. М., 2005.
- Конституция Российской Федерации: стабильность и развитие общества.* М., 2004.
- Кустарев А.С.* Нация: кризис проекта и понятие // Pro et Contra. 2007. № 3 (37). Май–июнь.
- Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 4.
- Медушевский А.Н.* Теория конституционных циклов. М., 2005.
- Нерсисянц В.С.* История политических и правовых учений. М., 2005.
- Согрин В.В.* Идеиные течения в американской революции XVIII века. М., 1980.
- Социальное рыночное хозяйство в Германии: истоки, концепция, практика.* М., 2001.
- Шаблинский И.Г.* Пределы власти. Борьба за российскую конституционную реформу (1989–1995 гг.). М., 1997.
- Шейнис В.* Взлет и падение парламента. Переломные годы в российской политике (1985–1993). В 2 т. М., 2005.